

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ЧИТАЮЩИЙ РАСПИСАНИЕ

книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХII

В яркости

Мне жизнь приоткрылась внезапно,
я вдруг увидел курсень в яркости,
под латой с омытом невооротливо
потоблати крошечный ушки старости:
пушистые кружким афидеи
одесна конфорка смичко... —
в окне и в сердце отражением
той курсень с черкыувною пичкою
я возлюбовался все и в тишине
этас собираю слова, чтоб выдержатся
напор тоски и в этом ленте
из кристалликов зрения выдежатся.

август 2012

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ЧИТАЮЩИЙ РАСПИСАНИЕ

(ЖИЗНЬ СОБСТВЕННОГО СОЧИНЕНИЯ)

книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХII

ББК 84.Р7

Г19

Марка издательства работы

С. Семенова

В книге сохранены некоторые особенности
авторской орфографии

ISBN 978-5-89803-222-7

© В. Гандельсман, 2012

ДЕНЬ НОЯБРЬСКИЙ

*День ноябрьский, ветреный. Мне пора.
Подойду прочесть под мостом расписание.
За стеклом таракан полумёртвый и номера
автобусов, прибывание и отбывание.*

*Ехать, ехать и ехать бы, не выходя,
ни о чём не думать, то есть не думать плохо
ни о чём, — не в этом ли смысл дождя,
солнца, дерева, облака, выдоха-вдоха?*

*Между двух городков ослепит река.
Я зажмурюсь, чтобы людей многоокость
не нашла меня, человек — он в тягость слегка,
а зажмуришься — сразу немного в лёгкость.*

*Ни за что, ни за что, ни за что бы не стал
разных страхов пугаться, если бы не мелькание
мыслей и перед глазами весь день не стоял
таракан, читающий расписание.*

1. ПО ДОСТОЧКЕ

Не смерть страшна, а расставание
с отдельно взятым человеком,
я космосу шлю завывание,
его рассыпанным в ночи аптекам,
пусть вышлет мне в ответ лекарство,
я буду принимать по горсточке,
чтоб в Божье перейти мне Царствие,
как лужу в детстве по досточке.

2. В ЯРКОСТИ

Мне жизнь припомнилась отчётливо,
я вдруг увидел кухню в яркости,
где мать с отцом неповоротливо
готовят скромный ужин старости:
пугливым круговым движением
обнесена конфорка спичкою...
В окне и в сердце отражением
той кухни с чиркнувшею птичкою
я взволновался весь и в трепете
стал собирать слова, чтоб выдержать
напор тоски и в этом лепете
из пристальных видений выбежать.

3. БЫВАЕТ, СНЕГ ИДЁТ

Бывает, снег идёт — а с чем сравнить его
неукоснительное выпаденье?

По синеве идёт как по наитию,
не передать — небесное виденье!

Бывает, не могу с виденьем справиться —
и выпью, а жена взбранится — вспыхну...

Теперь молчит смиренная красавица.

О, невозбранно выпью — и затихну.

4. ЖЕНА

Непоздний вечер. Восемь пятнадцать.
Жена ушла спать и прикрыла дверь.
Она сумасшедшая. Восемь шестнадцать.
На площади за окном отдыхает сквер.

Я слушаю ветер. Восемь семнадцать.
В него вплетается щебет птиц.
Жена любит каждый день просыпаться
и плыть на работу, где скопище лиц.

Она на чулочной фабрике двумя руками
девять часов шьёт целый день,
им выдают зарплату иногда коврами,
мы отдалённо не знаем, куда их деть.

Она садится на пристани в белую лодку,
в пять десять отчаливает, пока я сплю.
Я поздно лёг, я жалел жену-идiotку.
Я сам не знаю, как эту жизнь дотерплю.

5. В ПАРЕ

С понедельника целиком забиваюсь я в тишину,
становясь опять перебежчиком от одних
выходных к другим: молчаливо жну,
что посеял, сею опять, заготавливаю жмых.

А жена забивается в свой за стеной отсек,
что-то мелет, просеивает, варит, ткёт.
И соседи — стекольщик, молотобоец и дровосек —
не покладая рук работают, эти два и тот.

Нас с женою держит мысль на плаву,
что пойдём в выходные кормить в пруду
черепаху, — она из панцирной книги своей главу
выдлиняет морщинисто, просит дать еду.

Мы с женой не очень-то меж собой говорим,
только держимся за руки иногда,
а свободными — бросаем еду и так стоим
и слегка краснеем, если кто видит нас, от стыда.

6. ЧАСЫ И ОЧКИ

Я вспомнил друга юных лет
и за два шага до входных
ворот заплакал: друга нет.
Потом, когда вошёл я в них,
такой случился разворот
в движеньях жизни: снял очки
и положил их на комод,
к часам (я слышал их скачки).
Потом немного отошёл
и оглянулся — как лежат? —
и заново к ним подошёл —
нехороши они на взгляд.
Нет соразмерности начал
у двух вещей — то далеки,
а то близки чрезмерно. Стал
часы я двигать и очки.
Потом волнение улеглось.
Пришла жена, глядит: часы
лежат согласно, хоть и врозь
с очками в капельках слезы.

7. ДИКТАНТ

Синь беспредельна.
Воздух бесплотен.
Утро прицельно.
Вечер вольготен.

Отдых отраден.
Тяжесть несметна.
День беспощаден.
Ночь милосердна.

Радость животна.
Грусть человечна.
Жизнь мимолётна.
Смерть бесконечна.

8. ЗАБЫТЬЁ

Над газоном вспыхивают светлячки,
выше, ниже, наобум,
как шахтёры вылезли и на крючки
лампы вешают, забыв свой ум.
Вот вечерняя какая воркута
разворачивается в караганде,
я смотрю, смотрю в окно, смотрю туда —
где меня нигде.
Или то смертельно-тихий бой
душ давно в земле истлевших тел?
Обернёшься — и вдогонку за собой.
На подножку прыгнешь разума — успел.

9. В ПОЗДНИЙ ЧАС

за окном игольчатый шпиль
это ель горит на закате
вот приходит жена вытирает пыль
вытирает пыль гладит платье

иногда смотрю на неё
совершенно стоит чужая
вот сгребает она постирать бельё
жалость в сердце моём большая

но сказать что сблизило нас
не скажу в голове смешалось
а когда породнились сближались раз
даже больше за ночь сближались

помню мне казалось тогда
что мы тени друг друга
что в любви теряешь себя навсегда
видишь выбрались из недуга

и теперь мы странно стоим
на виду у пустой вселенной
а бывает сидим по углам своим
и молчим в тоске постепенной

10. НА ОТШИБЕ

Мы выходим всё реже,
больше дома сидим
да латаем бреши
в молчанье словом простым.

К нам никто не стучится,
дверь закрыта на крюк.
Только «скорой» в ночи волчица
воет от человеческих мук.

11. ОБОРОНА

Раз в году или даже два
мы сидим в гостях или гости
к нам приходят, жена едва
их выносит, но терпит в злости.
Не двужилъна. Душестоянье ей
тяжело даётся, я слышу,
как она арматурой всей
скрипит, держит крышу.
Если ж спор у меня зайдёт
с собеседником (я в подпитье
жарок и говорлив), а тот
обладает встречною прытью,
и меня пытается одолеть,
и меня в ответ расплывает,
тут жена всю грудную клетку
напрягает и громко лает.
Унижать меня ей одной
позволяется, а на прочих
лает остервенело, я ей родной,
из трущоб её чернорабочих.
Разбегается по четырём ветрам
люди застольный, двужилъный,
и разносится лай по дворам,
настигающий, сильный.

12. ОРЁЛ

Прилетела птица, сидит под окном,
перья вздыблены, смотрит вяло.
В человеческий рост. Я сказал потом:
«Кто сидит там?» Она сказала:
«Кто сидит?» Я сказал: «Сидит у окна
птица. Дыбом серые перья». —
«С перепоею привиделось?» — сказала она.
Я сказал: «Глянь сама, моя пери».
К запотевшему ноябрьскому окну
она подошла, увидела и сказала:
«Это — птица орёл». Я взглянул на жену —
в ней глаза были — два вокзала,
провожающих неизвестно зачем, куда
и кого, провожающих два — и точка.
«Может, это решка, а не орёл?» Ни да
не услышал, ни нет. Ни одного гудочка.

13. В ВЫХОДНЫЕ

Вечерами решаю «мат в три хода»
(у меня есть сборник задач),
по утрам, в выходные, когда погода
смотрит в окна, слышу безмолвный плач —
она стирает с шахматных фигур пыль,
ставит на место их, справа и слева,
о, взаимообразный штиль
дня... Это «вилка», «вилка» нам, королева!
— Так вот проходит жизнь... — вздыхает. —
Обещал научить играть — не научил... —
Закононый ветер валы вздымает
и внезапно гаснет, лишившись сил.

14. КОГДА МЕТЕЛЬ

Когда метелью дом заносит,
тогда под собеседника
лишь ветер косит,
но как-то бедненько.

Закрыл свой магазин лабазник,
тоскует благоверная,
и вроде праздник,
а грусть безмерная.

Так окна залепляет пряжей,
такие тают тайньки,
что мы пораньше
ложимся баиньки.

Не надо больше зло и цепко
дышать и виться полозом,
а только крепко
спать, мёртвым образом.

15. ПРИЯТЕЛЬ

Заводской приятель мне написал письмо.
В мастера продвинулся ты — пишет — взяткой, лестью...
Что взбрело ему в голову, он был само
добродушие, отличался честью,

а особенно — кротостью... Пишет: ты фальшив.
Пишет: ты меня ни во что не ставишь...
С ним случился какой-то взрыв,
очень внутренний, и ничего не поправишь.

— Он тебе позавидовал из-за двух медяков.
Что ты плачешь? — спросила Лида. — Я думал, —
отвечаю, — он Мышкин, а он совсем Смердяков.
Жалко. Жил человек — и вдруг себя сдунул,

и теперь он в луже лежит, в грязи, —
так сказал я, скомкав письмо. Минутой
позже слышу из кухни: «Гром меня, блядь, разрази,
я всегда говорила: гнилой и дутый!»

16. ГОРЕСТЬ И ОТРАДА

В понедельник рабочая
наступает неделя, то есть
пятиглавая тварь, охочая
нашу повесть
осквернить, как любую прочую...
То-то горесть!

Я не помню ни вторника,
ни среды с четвергом, зато уж
не боюсь по пятницам окрика:
что, мол, топишь
в водке разум! — я вроде нолика,
мёртвый то бишь.

А в субботу спокойная
вечереет жизнь, без азарта.
Словно цепью единой, скованы
песней барда,
мы танцуем с Лидой под Коэна
Леонарда.

Но зато (воскресение!)
в день седьмой на дорожках сада
осеняет нас (во спасение!)
листопада
дуновенье светлоосеннее.
Вот отрада!

17. ЕДУ НА РАБОТУ

Серый платформенный
форменный ливень,
веником пахнет вагон.
Муха влетает по траектории,
«скорая» воеет с открытого
крытого воздуха под мостом.

Где-нибудь на четвёртой
вёрткая муха во тьму
тюкнется, вылетит прочь.
Значит — бездомная, и по имени
именно эту никто не окликнет.
Бликами блёкнет ночь.

Или же встречного поезда,
боязно под козырьком
зыркая, чуть подождёт
(сокр.: пока дождь идёт).
Дёготь тяжёлых шпал.
Палевый небосвод.

Что за бесцельный, муха,
ухнувший туда-сюда
дальний-недальний путь?
«Скорая» едет обратно.
Радуетя в вагоне дитя,
тянется, хочет прильнуть.

18. ФЛЮИДЫ

Дома Лида моя ходит в шерстяных тапочках по ковру, и у Лиды накапливается электричество, тронет — вспых между нами, искры летят. Флюиды.

Даже комната освещается. Может быть (мой сосед-учёный говорит «может статься»), подсознательно она хочет меня убить. Но сознательно — приласкаться.

Иногда сильнейший проходит ток. Я кричу ей: «Господи, больно, Лида! Мы ведь жизнь отбываем, а не тюремный срок, мы ведь два человека, а не болида.

Что за странное, Лида, высекновежье огня!» Но в её глазах не злой огонь — неизвестный. Может статься, она полюбит меня хочет для оправданья совместной.

19. БУДЕНЬ

Лида моя одевается и говорит: «Похолодало. Ты слышишь?» Отвечаю: «Почти». Говорит: «Я ватник твой залатала. Похолодало». И потом добавляет: «Учти».

Вся жизнь наша прошла на первом этаже, близко к холоду и земле. Вряд ли она была перлом. Я говорю: «Не забудь брильянтовое кольцо».

Она надевает крупно-зелёные бусы, боты, шарф, шапку, пальто и уходит на фабрику. Наши узы всё прочней. По вечерам мы играем в лото.

Как уютно узор на коробке сверкает!
С детства я привязан к бочоночкам дорогим,
а теперь и к Лиде, как она выкликает
номера, один за другим, один за другим.

20. ОХОТА

Она влетела: «Мышь в столовой!»
Я выпил порцию свою
(О, серенький сюжет, не новый,
расхожий, бездны на краю!

Плутон, своей подземной сворой
зачем наш тихий рай мрачишь?)
и вышел: замерев над шторой,
сидела крошечная мышь.

Лишившись речи, то есть дара,
которым славен человек,
перед ней два перпендикуляра
остановили жизни бег.

Там, под землёй, где червь и овощ,
где кость, и уголь, и руда,
она не видела чудовищ,
подобных этим, никогда.

«Как я боюсь мышей!» — вскричало
одно из них, и тут же, чёлн
наняв, я оттолкнул с причала
подземницу, печали полн.

«Зачем мы все не разминулись? —
я думал. — Не было бы зла...»
Шумел, как мышь, деревья гнулись,
а ночь тёмная была.

21. ПЕРЕЛЬМАН, ЛИДА И Я

Он вычисляет объём пустот,
он, как коров, их пасёт,
не помышляя о выгодах
на галактических выгонах,
гений Григорий
Яковлевич, царь теорий.

Вижу смиренного пастуха,
солнц полыхают стога,
тьма между ними пустотная...
Лида сказала, штопая:
«“Правлю Вселенной”, —
говорит твой смиренный».

Но я не слышал её уже.
Остановясь на меже,
схлопнулось время скверное.
Лида моя трёхмерная!
Ты иллюзорна?
Истинна? Нерукотворна?

22. НЕКРАСОВ, ЛИДА И Я

Долго, долго травку приминали —
и затихли... Было время горше и
желчнее, когда припоминали
что-нибудь друг другу нехорошее.

Было время — слова не проронишь! —
ревности и вздохов укоризненных,
а не то внезапных слёз, — ты помнишь? —
обвинений грозных, мной не признанных,

да и я бывал в себе неистов,
всё, казалось, насмерть опозорено,
но молчал как рыба, зубы стиснув,
а была не раз ты заподозрена.

Молодость чем хочет, тем и ранит:
то молчанием, то словом глупости,
ни бельмеса — только темперамент
с жаждой быть любимым в совокупности.

Ах ты, Лида, Лидушка, теперь-то
спим с тобой в согласии и слитности,
дай-ка мне снотворного десерта
после блюд постылых ненасытности.

23. С ЛИДОЙ

Много мелких дел. С пузырьками идёшь ко дну.
Как проходит жизнь, Лида! — в сердцах вздохну.
Что ни шкафчик, откроешь — валится требуха
на голову, избыток вещей, местная «вднх».
Помнишь колхозницу и рабочего? — её нога
и его открывали коммунистические бега.

Много мелких забегов. В бухгалтерию, в магазин.
Мы оказались хромы, Лида. Где деньги, Зин?
Высоцкий умер тридцать один год назад.
Помнишь рваный, магнитофонный его наряд?
Наши дети в слезах ходили тогда в детсад,
и, пока стояла ночь на дворе, спасал «керосин».

А теперь другая заправка, круговращенье цифр,
шланг уткнулся в бак, подбирает к Лексусу шифр.
Не такой был лакмус у нас, другая была среда,
мы читали роман о Мастере и Маргарите тогда.
Он о страхе, о трусости, об умывании рук,
потому и любовь там — слащавый недуг.

Автор, думаю, замышлял иначе, да ведь и нам
соответствовать замыслу не удалось, мадам.
Много мелких дел, неотложных, скорых, и тот,
кто звонит «ноль один», набирает не телефон, а счёт,
как сказал бы Бродский. Он тоже тогда был чтим.
Что сказать мне о нём? Я восхищаюсь им.

Я скажу тебе, Лида, — ты только слезу утри,
неудобно всё же, — что он и ещё два-три
украшали пейзаж, пока не украсили навсегда.
Как-никак мы выстояли в грехе. А без них беда.
Я заначил шкалик, он там — да не плачь ты, ну! —
где стоят китайцы На Лей и Вы Пей, пойдём ко дну.

24. ПИСЬМО

Едва получено письмо,
ещё конверт не вскрыт...
Есть беглый страх прочесть его
и вслед за страхом — стыд.

Не в ожидании вестей
ненастных ты притих...
Есть в почерке набег гостей
непрошенных, родных.

Стоишь, в молчав свою вину
в проём окна, весной...
Так нарушают тишину
чуть большей тишиной.

25. ПИСЬМА БРАТУ

1

Брат, мой подвиг (в кавычках) ратный
кончился до гудка,
раньше я выпивал изрядно,
а теперь — ни глотка.

Раньше мог я сыграть «Собачий
вальс», когда подоплю,
и запеть, а теперь иначе —
онемел, не пою.

Брат, с тех пор как не стало сына,
мы с женой ни гу-гу.
Раньше я подходил к «пьянино»,
а теперь не могу.

Скверно то, что я в этом «раньше»
свет забыл погасить...
Нынче в доме у нас тишайше,
приезжай погостить.

2

Одиночество, брат, такое —
иногда гуляю по магазину,
пёстрый он, продуктовый,
иногда с тоскою
тормозу, забывшись, — то рот разину,
то губа — подковой.

У меня отчаяние — внутри я
непрестанно плачу слезами,
а наружно стараюсь
быть, как прибранная витрина.
Но рука на ветру уже не удержит знамя,
это — старость.

А недавно я к дому мчался,
точно пущенный из мортиры,
не успел, правда, малость,
обмочился,
ах, как пигалица из соседней квартиры
в кулачок смеялась!

Я сдаю позиции, вероятно,
а кому — неизвестно, их-то
вряд ли кто атакует,
кончен ратный
подвиг, брат, затихает под вечер пихта,
пихта тоже тоскует.

Мне хотелось означить
пребывание здесь, но кротки
были силы и сникли рано,
скажут: значит,
отродясь никогда и не было в околотке
никакого Ивана.

26. ПОСЛЕ КЛАДБИЩА

Читаю, слышишь, по пути: «Вчерашняя
Раиса Львовна» и «Вчерашний
Григорий Маркович». Пустяшная
ирония, а так — покой всегдашний.
Прошёл к родным могилам и прибрал их.
Немного белых положил, немного алых.

Пластмассовые два стаканчика
достал, кусочек хлеба,
ты замечала, что на кладбище
всегда синее небо,
чем в городе? потом налил грамм по сто
себе и фотографии с погоста.

«Сын, — я сказал, — напрасно ты,
неправильно всё это, рано,
и потому теперь мы разняты,
незаживающая рана...»
Потом пешком от Невской
заставы шёл, а ветер нынче резкий.

Слова сказал без осуждения,
но, кажется, чуть с укоризной.
Смерть превращает день рождения
в трагедию, она зовётся жизнью.
Как ты считаешь, Лида? Спишь? Сегодня
мне костью в горле промышленение Господне.

27. НОЧЬЮ

Я вглядываюсь в шум,
и вслушиваюсь в цвет,
и крон ветвистый ум
вдыхаю. Смерти нет.

Так вспенилась листва
в сегодняшней ночи
всей силой естества,
что смерти нет. Молчи.

Подъём. Подъём и спад.
Спад, и опять подъём.
Чтоб жили те, кто спят
необоримым сном.

28. ПРИЁМНЫЙ ДЕНЬ

Жена поднимается в пять,
ещё за окном темно.
У нас так рано вставать
издавна заведено.

Я поднимаюсь в шесть,
тоже не поздний час.
Выпал снег? Так и есть.
Я зажигаю газ.

Вижу: полуодетая у окна
полуспит, и я полусплю,
а потом она
гладит юбку свою.

Не разминёшься вдруг —
тесно. Хоть мы года
вместе, но стесняемся друг
друга-то иногда.

Раньше мы голых тел
не стыдились с ней,
видно, ангел слетел,
который скромней.

Ангел не любит спешить.
Нам этот день с женой
надо усыновить,
чтобы он стал родной.

29. МОНОЛОГ

Ты как бешеная сегодня с фабрики.
Виноват я разве, что тяжело?
У меня в горячем цеху как в Африке,
тоже сумасшедшее пекло.
Раскудахталась на ночь! Ещё ночлегом
вечным насытимся, не тирань,
не заламывать же перед ковчегом
руки друг другу, танцуя дрянь!
А чтоб нам без мелкого кровопролития
обойтись, иди-ка на свой насест...

Что вдвоём жизнь наша, Лидия?
Капля радости в море, а больше крест.
Я ведь помню, как улетал в годичную
командировку, помню аэропорт
и фигуру твою горемычную,
как ты плакала и кривила рот,
а теперь ни при какой погоде
не проявишь жалости к своей родне,
может, если б не было меня в природе,
загрустила б ты, затосковала по мне.

30. ТОЧКА

Улеглось и то, что, казалось,
не уляжется никогда.
Сердце сжалось, потом разжалось.
Умереть от стыда.

Отворилась дверь, затворилась.
Щёлкнул кто-то чик-трак ключом.
Вообще с кем это творилось?
И творилось о чём?

Развернулось, потом свернулось
в ту же точку, где жизнь твоя
краткой длительностью проснулась,
своё тая.

31. БЛОКАДНАЯ БАЛЛАДА

Жили мы на Шкапина, трое в комнате,
улица вела к вокзалу, вокзал — к стране,
улица промышленная в саже-копоти,
мать, мы с братом, отец на войне.

В память невеликую мою, утлую
врезалось: воронка, мы с соседом моим
смотрим, как откачивают воду мутную,
воду мутную, вдвоём стоим.

После — голод, крошки хлеба не выклянчишь,
трупы сплошь — на тротуаре, на мостовой,
я боюсь покойников, но сердце выключишь —
и живёшь как мёртвый, но живой.

Штабелями складывали их в загоне
у вокзала нашего, помню, что когда
одного несли — в нём булькала, как в бидоне,
переливалась внутри вода.

Что ужаснее мора многолюдного.
От ранений лучше погибнуть пулевых,
но в сраженье, а не от голода лютого,
от нехватки плодов полевых.

Жили мы на Шкапина, двое в комнате,
мать пристроила брата к добрым людям, след
затерялся надолго в военном грохоте,
а нашёлся через тридцать лет.

Животину выпятивши рахитную,
помню, как девчонка плачет, щёки дрожат,
что отец лежит, лежит да под ракитой,
а над ним что вороны кружат.

Многого не помню, мал я был годами,
к третьему лету войны начал доходить,
тетка Люда съесть меня предлагала маме,
людоедка, что и говорить.

Плач недавно я читал Иеремии
и, когда на это наткнулся, весь притих:
руки мягкосердых женщин детей варили,
чтобы стали пищею для них.

Словом Господа всё земное сдобрено,
тех, мол, и наказываю, кого люблю.
Значит, нас любил Господь как-то особенно.
Да, особенно. Вот и терплю.

32. ПРОБЛЕСК

Просыпаясь, рассвета кайму
вижу, юркая птица сверкает.
Разве можно не верить Тому,
Кто воистину так окрыляет?

Лида, это превыше всего,
я незыблемо счастлив,
узкий луч на стене,
утренняя прохлада,

вот он, белый налив на весу,
тельце мраморное с ведёрком
у реки, вот под мышкой несущу
книгу «Кортик»,

вот проездом
переблеск в лесу паутинный,
перелесок болотно-тинный,
и лиловый, соседний

холодок, резкий воздух осенний —
вот хрустальный его кубометр,
вот он — с похолоданьем,
в освещенье комет,

вот он, необратимый,
в снег истаивающей лыжнёй
уходящий, родимый
путь, он к ночи слышней.

Сладок сон, только дай погасить
лампу, отдых блаженный,
хорошо было жить,
совершенно!

Собираясь в последнюю тьму,
говорю: «Принимай, я уложен».
Разве можно не верить Тому,
Кто воистину так безнадёжен?

33. ВЕЧЕР

Тише становится, тише, тише, —
ни пешехода, небо
гаснет, его угасанье — свыше,
словно бы ангел умер.

Солнце садится, и розовеют
только верхи деревьев.
Если же ангела прах развеют,
выпадет снег под утро.

ТЕХНИКА РАССТАВАНЬЯ

1

*Надо отладить технику расставанья,
тянущегося от живота до горла,
где глухонемая птица повествованья
машет крыльями голо.*

*И когда слетает внезапная птица эта
на кормушку сердца, минуя мозг твой,
выставляй знак запрета,
отгоняя глухонемую в её край заморский.*

2

*Расставанье — окна любви и сетования.
Приглуши песню жалости об одиноком,
чтобы поезд дальнего следования
стал сплошной полосой без окон,*

*чтобы просто существовал как данность,
не обнаруживая смысла, не жалея.
Стой на полосе отчуждения, отчуждаясь,
пока не скрылись из виду его детали.*

*Пусть выгорают цвета дорогой палитры
и замолкают всё бережней и безбрежней
шатуны, рычаги, фонари, цилиндры,
дымовые трубы и золотниковые стержни.*

*Когда собирается вроде тучи
тяжёлая мысль, угрожая
припадком падучей,
и гиблого ждёт урожая,
когда шевеление её близко,
и тени выходят из ниши,
и ласточки низко
хлопочут, ныряя под крыши,
я строю привычную оборону
из кавалерии лёгких
залётных (лишь трону —
взовьются), от горя далёких,
я быстро по дому иду со спичкой,
и вот уже свечи пылают,
и страх мой привычка
лечебной пылью опыляет.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>День ноябрьский</i>	5
1. По досточке	7
2. В яркости	8
3. Бывает, снег идёт	9
4. Жена	10
5. В паре	11
6. Часы и очки	12
7. Диктант	13
8. Забытье	14
9. В поздний час	15
10. На отшибе	16
11. Оборона	17
12. Орёл	18
13. В выходные	19
14. Когда метель	20
15. Приятель	21
16. Горесть и отрада	22
17. Еду на работу	23
18. Флюиды	24
19. Будень	25
20. Охота	26
21. Перельман, Лида и я	27
22. Некрасов, Лида и я	28
23. С Лидой	29
24. Письмо	30
25. Письма брату	31
26. После кладбища	33
27. Ночью	34
28. Приёмный день	35
29. Монолог	36
30. Точка	37
31. Блокадная баллада	38
32. Проблеск	40
33. Вечер	42
<i>Техника расставанья</i>	43

Г19

Гандельсман В. Читающий расписание
(Жизнь собственного сочинения). Книга стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2012. — 48 с.

ISBN 978-5-89803-222-7

ББК 84. Р7

Гандельсман Владимир Аркадьевич
Читающий расписание *(Жизнь собственного сочинения)*.
«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2012

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»
191186, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД